

Подвигъ стрѣлка Стефана Яковлева.

Въ 3-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, преименно передаваясь, свято хранится память о стрѣлкѣ Стефанѣ Яковлевѣ. Въ бытность мою въ стрѣлковой бригадѣ стрѣлки повѣдали и мнѣ о дѣлѣ Яковлева, а потомъ довелось побывать и помолиться и на могилѣ его. И въ ихъ безыскусственномъ повѣствованіи какъ-то само-собою обрисовалось величіе этого дѣла, выросло до подвига, въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться—мужеству-ли и храбрости ихъ товарища, или той готовности, съ какою онъ положилъ жизнь свою за русскіе интересы, защищая ввѣренный ему постъ.

Самая обстановка, среди которой Яковлевъ геройски погибъ, еще болѣе возвышаетъ его. «На людяхъ смерть красна»; Яковлевъ-же одиноко вступаетъ въ неравную борьбу, почти безнадежную въ смыслѣ побѣды или помощи откуда-либо, до послѣдней капли крови бьется съ врагомъ и умираетъ съ тяжелымъ сознаниемъ одиночества, что его смерть безвѣстна и никто, быть можетъ, не узнаетъ о ней, какъ не узнаютъ и его трупъ (онъ хорошо зналъ нравъ врага, беспощаднаго не къ живому только, но даже и къ бездыханному). Тутъ въ подвигѣ Яковлева, какъ въ конкретномъ примѣрѣ, выдѣлалась вся великая, но скромная душа русскихъ воиновъ:

«Ни смерть, ни страданія въ жаркомъ бою
Не страшны намъ въ дальнемъ краю;
Мы твердо и смѣло подъ пулей падемъ,
Въ могилѣ награду за храбрость найдемъ» ¹⁾.

Но дѣло Яковлева пріобрѣтаетъ еще особое достоинство въ силу того обстоятельства, что онъ тогда уже не состоялъ въ рядахъ баталіона, а былъ безсрочно-отпускнымъ. Военная закалка столь крѣпко сроднилась съ его душой, что и при новой службѣ и новой обстановкѣ онъ все тотъ же типичный русскій солдатъ, будто и не снималъ онъ сѣрой шинели и не оставилъ солдатской винтовки. Вотъ, солдатикъ часовой тонетъ въ бурномъ потокѣ во время наводненія, но не спасается бѣгствомъ, тяжело опалается при взрывѣ и пожарѣ, но безмѣнно стоитъ; во время страшнаго стихійнаго

¹⁾ Изъ марша л.-гв. Семеновскаго полка.

бѣдствія, когда земля сотрясается и колеблется, и все живое въ паническомъ ужасѣ бѣжитъ, онъ одинъ смиренно стоитъ, ушибленный и заваленный развалинами по грудь; спокойно и тихо замерзаетъ на своемъ посту. Все это тотъ же Яковлевъ, его родной братъ и товарищъ, вѣрный служебному долгу, доблестный и скромный въ самой доблести. Но Яковлевъ, повторяемъ, и послѣ службы сумѣлъ остаться таковымъ, не растерявъ ея драгоценныхъ завѣтовъ и во всей силѣ осуществилъ ихъ при первомъ же случаѣ, каковой и выпалъ ему на долю въ 1875 году, когда онъ былъ старостой на почтовой станціи Мурза-рабатъ.

Станція эта находится въ 115 верстахъ отъ Ташкента и въ 24 отъ Ходжента; расположена среди унылаго простора степи, окаймленной съ сѣвера и юга мрачными силуэтами голыхъ каменистыхъ горъ. Высокая глинобитная стѣна, съ башнями по угламъ, окружала станціонныя постройки и обширный дворъ, въ который вели единственные ворота. Въ 40 шагахъ къ сѣверу отъ станціи, для защиты пробивающагося изъ каменистой почвы родника, возведенъ куполообразный кирпичный навѣсъ, сохранившійся и теперь.

Время тогда было неспокойное: происходили волненія въ Кокандскомъ ханствѣ и вблизи тракта бродили многочисленныя шайки кокандцевъ. «5-го августа на станцію дали знать окрестные киргизы, что къ Мурза-рабату направляется сильная шайка кокандцевъ. Ямщики-киргизы немедленно ускакали на почтовыхъ лошадяхъ, не смотря на требованіе старосты Яковлева остаться. Старосту они тоже уговаривали спастись бѣгствомъ; но онъ рѣшительно отказался исполнить этотъ совѣтъ и бросить станцію, и, оставшись одинъ, приготовился къ оборонѣ. Ворота онъ заперъ и завалилъ повозками, заложилъ двери и окна дровами и мебелью и сталъ поджидать незваныхъ гостей. Послѣдніе не заставили себя ждать и вскорѣ нагрянули со свойственнымъ азіатамъ шумомъ и криками. Мѣткія пули Яковлева охладили, однако, пылъ перваго ихъ натиска. Изъ бывшихъ на станціи двухъ ружей и винтовки храбрый защитникъ ея принялъ нападающихъ такимъ огнемъ, что неожиданніе такого сильнаго отпора кокандцы отхлынули, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ. Засѣвъ подальше отъ станціи, хитрые азіаты пустились въ переговоры, предлагая осажденному свободное отступленіе и суля ему разныя блага. Но храбрый стрѣлокъ не поддавался на хитрости враговъ и на всѣ коварныя предложенія отвѣчалъ выстрѣлами, заставляя противника держаться на почтительной дистанціи. Выведенный изъ

терпѣнія непріятель произвелъ новую энергичную попытку овладѣть станціей: кокандцы разомъ ринулись всей массой и успѣли сдѣлать проломъ въ воротахъ. Однако, пули Яковлева огрзили нападающихъ, а два или три смѣльчака, пытавшіеся проникнуть во дворъ станціи черезъ проломъ, пали подъ ударами его штыка. Въ теченіе наступившей затѣи ночи нападающіе стрѣляли въ ворота, чтобы осажденный не имѣлъ возможности задѣлать проломъ. На другой день кокандцы навезли изъ окрестныхъ ауловъ сухого клевера и стали бросать зажженные снопы его во дворъ станціи и къ ея воротамъ. Когда ворота запылали Яковлевъ заперся въ станціонномъ зданіи. Отстрѣливаться ему стало труднѣе: мѣшалъ дымъ отъ пожара. Пользуясь этимъ, кокандцы забрались на крышу станціи и, пробивъ въ ней отверстіе, стали бросать горячіе снопы въ комнаты. Что не погибнуть отъ дыма и не сгорѣть, отважный стрѣлокъ рѣшился на отчаянное средство: вступить въ открытый бой съ врагомъ и проложить себѣ дорогу къ новому укрѣпленію — навѣсу надъ родникомъ. Выполни снѣ этотъ планъ, шайкѣ долго еще не пришлось бы тѣшиться безславною побѣдою¹⁾. Но одинъ въ полѣ — не воинъ. Не достало силъ пробиться чрезъ густую вражескую толпу; многихъ уложилъ герой на своемъ пути, но и самъ наконецъ палъ подъ ударами шашекъ въ 15 шагахъ отъ родника. Отрубленную голову, какъ трофей, достойный награды, побѣдители увезли, а истерзанннй до неузнаваемости трупъ оставили на мѣстѣ. Впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ тѣло Яковлева было предано землѣ. Такъ геройски погибъ при исполненіи своего долга стрѣлокъ Стефанъ Яковлевъ Яковлевъ.

Въ 1877 годъ надъ его могилой на пожертвованія проѣзжающихъ былъ сооруженъ скромный памятникъ — плита съ надписью:

«Безсрочно-отпускной 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона стрѣлокъ Стефанъ Яковлевъ Яковлевъ.

Убитъ шайкою кокандцевъ, защищая Мурза-рабатскую почтовую станцію 6-го августа 1875 года.

Доблестному Туркестанскому воину на память, пожертвованіями проѣзжающихъ 1877 г.».

¹⁾ Развѣдчикъ № 258 1895 г.

Въ 1895 году среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона была открыта подписка на постройку новаго, лучшаго памятника доблестному сослуживцу.

Открытие и освященіе его было приурочено ко дню 20-ти лѣтій совершенія подвига ¹⁾).

«6-го августа 1895 года новый памятникъ геройской борьбы одного русскаго человѣка съ цѣлымъ полчищемъ азіатовъ былъ торжественно освященъ въ присутствіи представителей отъ офицеровъ и охотничьей команды 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона священникомъ Туркестанской стрѣлковой бригады. Въ исполненной глубокимъ чувствомъ рѣчи о. А. пригласилъ затѣмъ присутствовавшихъ помолиться за душу раба Божія Стефана, вѣрнаго слуги Царя и Отечества. По окончаніи панихиды троекратнымъ ружейнымъ залпомъ отдана была честь праху доблестнаго стрѣлка. Старшій представитель отъ офицеровъ баталіона, лично знавшій Яковлева, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ, обрисовалъ личность покойнаго и значеніе совершеннаго имъ подвига. Долго дружное «ура» въ честь доблестнаго стрѣлка и во славу русскаго оружія гремѣло по стени, отражаясь эхомъ отъ окрестныхъ горъ. Воздвигнутый новый памятникъ представляетъ большой обломокъ серебристаго гранита, поставленный на пьедесталѣ изъ четырехъ такихъ же глыбъ. На цоколѣ утверждёнъ бѣлый мраморный крестъ (на подобіе деревяннаго съ корой и съ сучьями). Общая высота памятника около 5 аршинъ. У подножія его укрѣплена наклонно и связана цементомъ потрескавшаяся плита отъ стараго памятника. На лицевой сторонѣ его чугуная доска, на которой золотыми буквами выведена надпись:

«Стрѣлку Стефану Яковлеву

Доблестно павшему 6-го августа 1875 года,

послѣ двухъ-дневной защиты имъ станціи Мурза Рабатъ
противъ шайки кокандцевъ».

Офицеры и стрѣлки 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона. 1895 г.».

Священникъ А. Б.

¹⁾ ibid.